А.В. Ахматов

МЕСТО И РОЛЬ ФИЛОСОФИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЕВРАЗИЙЦЕВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современное мировое сообщество переживает сложные времена[1], во многом обусловленные процессом глобализации. Как отмечают многие исследователи, на данном этапе развития этот процесс носит преимущественно негативный характер (ухудшение экологической обстановки, резкая дифференциация роста экономических показателей между развитыми и развивающимися странами, военные конфликты и др.)[2]. Особый интерес вызывает изучение правовой составляющей процесса глобализации, ее философского и социально-исторического аспекта. Оказывая влияние на все области социальной жизни, глобализация диктует необходимость переосмысления роли государства и права в современном мире. Очевидно, прежние представления об этих институтах ныне не утратили своего значения, однако требуют существенной переоценки и анализа в наши дни в связи с развитием глобализации.

Нам представляется необходимым и конструктивным обратиться к теоретико-методологической разработке государственно-правовых идей уникального общественно-политического течения 20–30 гг. прошлого века под названием евразийство, об идеях которого у нас в стране в последнее время не утихают споры в связи с возможным восточным, евразийским развитием России[3].

---

[1] См., например: *Реутов А.* ООН постигла гуманитарная катастрофа // Коммерсант. 2005. 28 окт.; *Зыгарь М.* Похищения в особо крупных размерах // Коммерсант. 2005. 8 дек.; *Ершов Ю.* Взрывчаткой по мертвым // Российская газета. 2005. 12 июля; *Снегирев В.* Бегущие впереди паровоза // Российская газета. 2006. 10 окт.; *David Brooks.* Irag and the Polls // The New York Times. 2005. July 4; *Steven R. Weisman* A friendship turns chilly for Russia and the United States // The New York Times. 2006. April 17; *Thomas L. Friedman* The Hamas Dilemma // The New York Times. 2006. April 24 и др.

[2] См., например: *Иванец Г.И., Червонюк В.И.* Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. № 8. С. 87–94; *Полениа С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В.* Воздействие глобализации на правовую систему России // Там же. 2004. № 3. С. 5–15; *Лунеев В.В.* Криминальная глобализация // Там же. № 10. С. 26–41; *Нерсесянц В.С.* Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Там же. 2005. № 5. С. 38–14 и др.

[3] См., например: *Овчинников В.* Восток или Запад? // Российская газета. 2003. 31 мая; *Деев Н.Н.* О евразийстве российской государственности // Ста-

В научной литературе пока не сформулировано единого определения понятия «евразийство». Однако отмечается, что «евразийство – политическое и культурно-общественное движение русской эмиграции 20–40-х гг. прошлого века. Оно признавало самобытный путь развития России, обусловленный наличием в ее культуре откровенно восточных элементов»[1]. Евразийство по своей сути являлось мощным социально-политическим учением, провозгласившим создание новейшей синтетической идеологии, одновременно оно являлось и общественным движением с довольно сложной структурой, со своими внутренними правилами, дисциплиной и этикой, с собственной программой действия в разных странах Европы, США, Канады – везде, где была представлена русская эмиграция 20–30-х годов XX века[2]. Как справедливо отмечает один из исследователей евразийства Г.В. Жданова, евразийство – «это течение особого рода, оно не является ни историческим, ни философским, а представляет собой полидисциплинарное течение, которое было сформировано представителями разных направлений. Евразийство как общественно-политическое и научное течение претерпевало эволюцию, меняясь и трансформируясь под влиянием разных причин… Однако все это было неотъемлемой частью научной жизни движения. Понятие евразийства, как научной системы взглядов, выраженной его основоположниками, неизменно соединяло свою сущностную природу и целостность»[3].

П. Савицкий, автор названия течения, писал: «Тот вывод, что земли ее (России. – *А.А.*) не располагаются между двумя материками, но составляют скорее третий и самостоятельный материк – имеет не только географическое значение. Поскольку мы приписываем понятиям «Европы» и «Азии» также некоторое культурно-историческое содержание, мыслим, как нечто конкретное, круг «европейских» и «азиатско-азийских» культур, обозначение «Евразии» приобретает значение культурно-исторической характеристики»[4]. С точки зрения

новление конституционного государства в посттоталитарной России. Вып. 1. 1996. С. 66–72; *Кржевов В.С.* Социально-политическая концепция евразийства и проблема поиска надежных основ интеграции общества // Вестн. МГУ. Сер. 7: Философия. 2005. № 4. С. 76–112; *Цыганков А.П.* Что для нас Евразия? Пять стратегий российского освоения пространства после распада СССР // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 3–17 и др.

[1] *Бердяев Н.А.* Самопознание. Л., 1991. С. 53.

[2] Более подробно см.: *Пащенко В.Я.* Социальная философия евразийства. М., 2003. С. 71–110.

[3] *Жданова Г.В.* Евразийство в современных исследованиях. Философские аспекты. М., 2002. С. 53.

[4] *Савицкий П.Н.* Евразийство // Евразийский временник. Берлин, 1925. Сб. 4. С. 6.

евразийцев: «Россия–Евразия – это особый географический и культурный мир»[1]. Культурное поле геополитической модели «Евразия – особый географический и культурный мир» в пространственном плане очерчивалось евразийцами следующим образом: Россия как геополитическое, государственное и культурное целое занимает центральную, срединную часть крупнейшего материка Евразии и своими восточными и западными границами равно принадлежит как Европе, так и Азии[2]. Евразийцы подчеркивали, что название своего учения проистекает в смысле «месторазвития», «вмещающего ландшафта», особой цивилизации, сферы взаимопроникновения природных и социальных связей русского народа и народов «Российского мира», являющихся не европейцами, не азиатами, а именно евразийцами[3].

В 1926 г. к евразийцам примыкает экс-профессор Московского университета Н.Н. Алексеев[4], который впоследствии станет основателем «теории евразийского государства и права». Некоторые исследователи творчества Алексеева считают не вполне справедливым называть его учение о государстве и праве «евразийским», поскольку «хронологически творчество Алексеева не укладывается в период существования непосредственно самого евразийства»[5]. С этим тезисом мы не можем согласиться, поскольку, несмотря на то, что государственно-правовые идеи Алексеев начал разрабатывать еще студентом Московского университета[6] (т. е. задолго до возникновения самого евразийства), все базовые, концептуальные идеи его учения о философии государства и права достигают своей «кульминации», приобретают свое полновесное звучание именно в «евразийский период» творчества исследователя. В то же время необходимо отметить, что среди евразийцев по проблемам государства и права писал не только один Алексеев (кроме него по данной проблематике писал Н. Трубецкой[7] и др.), хотя труды именно этого

---

[1] Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 33.

[2] Подробнее см.: *Савицкий П.* Географические особенности России. Б.м., 1927; *Он же.* Россия – особый географический мир. Париж, 1927.

[3] См.: *Пащенко В.Я.* Социальная философия евразийства. С. 28.

[4] В среде евразийцев Алексеев выступает с докладами: «О собственности» (большая часть которого касалась проблемы собственности при социализме), «О советском строе и его политических возможностях», «О политических идеалах русского народа (допетровская Русь)» и др. Чтение этих докладов вызвало бурные обсуждения среди евразийцев, одним из лидеров которых позднее становится Алексеев (См.: Евразийская хроника. Вып. 7–8. Париж, 1926. С. 49–50) .

[5] *Борщ И.* Философия права Н.Н. Алексеева // Государство и право. 2006. № 1. С. 74.

[6] См.: *Томсинов В.А.* Александр Семенович Алексеев, Николай Николаевич Алексеев // Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. № 1. С. 7.

[7] См.: *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм: евразийская хроника Вып. 9. Париж, 1927. С. 70.

исследователя составляют базу государственно-правового учения евразийцев.

Государственно-правовая проблематика традиционно является одной из центральных тем многих социально-философских исследований. Так, И. Кант справедливо отмечал, что вопрос, что же такое право, «может смутить правоведа – если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны… что следует по праву (guid sitjuris), т. е. что говорят или говорили законы в том или ином месте, в то или другое время, он (правовед. – *А.А.*) еще может указать; но право (recht) ли то, чего они требуют, и каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правое и не правое (justuin et iniustum), – это остается для него тайной, если он хоть на время не оставляет указанные эмпирические принципы и не ищет источник этих суждений в одном лишь разуме (хотя бы упомянутые законы и служили ему для этого хорошим руководством)…»[1].

Схожую позицию занимал Е.Н. Трубецкой: «Пока мы не выясним себе, *что такое право вообще*, все наши суждения о тех или других конкретных видах права будут страдать неясностью, отсутствием определенного научного содержания. По поводу каждого нашего отдельного суждения, относящегося к той или другой области юриспруденции, может возникнуть сомнение, представляет ли оно собой действительно суждение о праве или о чем-то другом, что не есть право. При отсутствии удовлетворительного определения понятия права не могут быть проведены ясные границы между правоведением и другими науками; а при отсутствии таких границ наука права всегда рискует или не охватить весь свой предмет, или совершать захваты из других, чуждых ей областей»[2].

Представляется верным согласиться с точкой зрения Г.В. Мальцева, согласно которой юридическая мысль, «судя по всему, обречена на бесконечный поиск определения права, побуждаемая к этому практической необходимостью построить правопорядок на фундаменте как можно более надежных, четких и полных знаний о его сущности, предмете правового регулирования»[3].

Философия евразийцев базировалась на противопоставлении *органистического, холистического* подхода к обществу и истории и подхода *механистического, «атомарного», «индивидуалистического»,*

---

[1] *Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 252–253.

[2] *Трубецкой Е.Н.* Труды по философии права / Вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб., 2001. С. 288.

[3] *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 3.

«*контрактного*». Органицизм (холизм) видит в исторических народах, государствах и обществах цельных «естественных» существ, рождающихся «из духа и почвы», из органичного сочетания субъективных и объективных аспектов. Отсюда вытекает специфический подход ко всем остальным, более частным, вопросам. В культурно-географическом, пространственном смысле можно проследить следующую закономерность: органицизм (холизм) характерен для Востока, индивидуализм – для Запада, причем это справедливо как для европейской части Евразии, так и для всего континента[1]. Н. Алексеев совместил этот дуализм в собственной теории государства и права, которая и легла в основу государственно-правовых идей евразийцев.

По мнению евразийцев, совершенное государство, к построению которого необходимо стремиться, должно являться идеократическим государством, к власти в котором проходят только те люди, которые прошли своеобразный отбор (который у евразийцев называется «*правящим отбором*»), что, в свою очередь, является гарантией защиты от злоупотребления властью в корыстных интересах, т. е. коррупции. По мнению евразийцев, принуждение есть следствие не властвования, но нарушения власти. Властвование в совершенном государстве должно происходить автоматически, без трений и катаклизмов, без применения насильственных средств. В связи с этим возможный минимум применения насилия есть лучший показатель той ступени приближения к идеалу, которого государству удается достигнуть. В идеале этот минимум превращается в нуль, насилие вообще исчезает. Такой идеал совершенного государства, по мнению евразийцев, в мировой литературе лучше всего был сформулирован китайским философом Лао-Цзы[2].

Упоминания потребует еще одно конституирующее понятие евразийской теории права. Это понятие «идеократия». Его евразийцы осмысливали в перспективе платоновского «правления философов». Но идеократия – не идеал будущего, а, напротив, факт настоящего: идеи уже правят. Юношеская мечта Карла Маркса о диктатуре философии в мире, по мнению евразийцев, уже осуществилась в России[3].

В свою очередь, Н. Алексеев, как один из основоположников евразийской философии государства и права, исследовав базовые подходы того времени к праву (юридическую догматику, юридический социологизм, естественное право и феноменологический ме-

---

[1] См.: *Дугин А.* Теория евразийского государства // Предисловие к кн.: *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 9–10.

[2] См.: *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. С. 586–587.

[3] *Борщ И.* Философия права Н.Н. Алексеева. С. 69.

тод), принял решение разработать свою философско-правовую концепцию. Право, по Алексееву, представляет собой многомерное явление, до конца не поддающееся определению. Поэтому познание права не обязательно должно иметь своим итогом выработку определения права. Таких определений было предложено немало, и все они в одинаковой степени страдают одномерностью, все они наталкиваются на одно и то же затруднение: «правовые феномены во всей полноте никак не могут в них уместиться»[1].

По мнению евразийцев, основной задачей функционирования законов должно быть четкое определение, в чьих руках сосредоточено фактическое распоряжение государственной мощью. Для наиболее целесообразной организации и распределения государственной власти нужно исходить из следующих принципов:

1. Деятельность верховных носителей власти в совершенном государстве по своему содержанию должна наиболее соответствовать культурным и общественным интересам данного общества, наиболее полно отражать его основные потребности, стремления, цели.

2. По своей политической форме государственная власть должна быть «наиболее свободной», то есть не связанной с политической конъюнктурой и, в то же время, сообразной с законами и подконтрольной народу.

Наиболее удачно совмещающей властную активность с общественными интересами стала бы политическая система, способная объединить в своем устройстве два начала – единоличное и коллегиальное. Первое всего более обеспечивало бы возможность проявления личной энергии и распорядительности индивида, а существующие коллегии или советы по призванию своему должны были бы совещаться, обсуждать, создавать программы. Когда совет призван распоряжаться, его воля расплывется в обсуждениях и парализуется голосованиями. Но вместе с тем ситуация, где личная воля согласована с общей, является гарантией от произвола властей.

Отношения между коллегиальными и иными органами внутри правовой системы должны быть основаны на нетрадиционных системообразующих принципах. Такая система отличается от западного парламентаризма тем, что не ставит личную волю в зависимость от случайного голосования. Она в значительной степени приближается к швейцарской системе «комиссионного управления», но наделяет председателя коллегии или противостоящие деятельности коллегии органы большим юридическим весом.

Главным инструментом осуществления идеологической концепции совершенного государства евразийцев является правящий

[1] *Борщ И.* Философия права Н.Н. Алексеева. С. 71.

слой, т. е. совокупность людей, отобранных по основанию преданности организующей идее, и которым фактически надлежит исполнять функции государства[1]. Именно правящий слой осуществляет правящий отбор. В то же время он не может быть замкнутой кастой, а должен пополняться людьми из всех слоев общества с тем, чтобы его высшей целью были интересы общества в целом, а не интересы отдельных социальных групп[2].

«Государство правды», по мысли евразийцев, может существовать, как отмечалось выше, лишь как идеократическое государство, как некоторое «идеал-государство», которое строится на основе господствующей «идеи-правительницы». По мнению одного из основателей и лидеров евразийцев Н. Трубецкого, «…идея-правительница должна быть такова, чтобы, во-первых, ради нее стоило жертвовать собой, во-вторых, чтобы жертва расценивалась бы всеми гражданами как морально ценный поступок»[3]. Здесь угадываются, как отмечалось выше, идеи Платона о царстве философов, а также смысл понятия теократии, как государства, высшим принципом которого является верховная из идей – идея религиозная[4].

Кроме того, такое «государство правды» должно быть «гарантийным государством». Свое юридическое выражение идея «гарантийности» находит в основном государственном законе или конституции. Основой такой конституции является Декларация обязанностей государства[5]. Гарантийное государство стремится формировать не цельное миросозерцание, но «общественное мнение» известной культурной исторической эпохи[6].

Совершенное государство, по мнению евразийцев, должно быть построено на гармоничном соотношении обеих сфер государственной жизни – нормативной и атрибутивной. Оно должно стремиться к установлению равновесия между обязанностями и правами во всех основных сферах государственного бытия. В экономической сфере выражением такого равновесия является так называемая государственно-частная система хозяйствования. Но приложение этого принципа должно иметь место и в другой области социального строительства: баланс «централизованного» и «автономного» начал должен быть соблюден также в области организации быта, духовной и нравственной жизни. Нахождение такой соразмерности всегда есть конкретно-историческая задача, решение которой зависит от

---

[1] См.: *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. С. 102.
[2] См.: *Пащенко В.Я.* Социальная философия евразийства. С. 246.
[3] *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 520.
[4] См.: *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. С. 592.
[5] См. там же. С. 374.
[6] См. там же. С. 373–374.

многочисленных факторов: степени развития производительных сил, возраста и уровня развития культуры и др.

На основании сказанного представляется возможным сделать вывод: государственно-правовые идеи евразийцев являются уникальным феноменом в отечественной истории государства и права. В связи с проводимыми новыми реформами в России представляется необходимым и конструктивным учитывать государственно-правовые идеи евразийцев при построении новой российской государственности.

В настоящее время идут оживленные дискуссии о будущем евразийства и Евразии в связи с возникновением так называемого неоевразийства[1]. По нашему мнению, именно представители неоевразийства должны претворить в жизнь идеи «отцов-основателей» евразийства не только в области культурологии, политики и других, но, прежде всего, в области государства и права. Как представляется, реализация или стремление реализовать именно государственно-правовые идеи евразийцев в будущем поможет стабилизировать социально-политическую обстановку в нашей стране, а также обеспечить ее качественное улучшение.

[1] См., например: *Сендеров В.А.* Неоевразийство: реальности, опасности, перспективы // Вопросы философии. 2004. № 6. С. 22–36 и др.